
Валерия КОЛЕСНИКОВА

32 ДЕКАБРЯ

Повесть

Ты только не бойся. С тобой никогда ничего не случится, потому что у тебя два сердца. Если в воздухе на секунду замрет одно, то рядом забьется второе.

Леонид Енгибаров

I

Октябрь плакал навзрыд, размазывая прилипшие к окну грязно-желтые листья. Ветер насвистывал волчью песню, стучал приоткрытой форточкой, будто хотел сорвать мое и без того хилое окно. Рамы его были деревянными, почерневшими от старости и раздумий, а весь дом покачивался в такт этой холодной мелодии осени. Первого октября я выбрался из городской суеты на дачу старого друга, врученную мне за долгие годы дружбы и понимания на месяц — для лечения моих душевных ран. Октябрь — тоже месяц душевный, располагающий к размышлениям и молчаливым монологам о бренности бытия, но встретивший меня вовсе не добродушно, а наоборот — словно прогоняя из этого безлюдного логова на свет Божий.

Но я не из робкого десятка, к тому же мое решение об уединении я принял давно и осознанно, а потому пугать меня так по-детски было, ну честное слово, бессмысленно. Хотя дело и не в октябре, может быть, а в самом доме? Он не привык к чужакам, и я его понимаю. Слишком утонченным было его происхождение, филигранно утонченным во всех смыслах. Старуха с дворянскими корнями продала этот заброшенный дом моему другу за сумасшедшие деньги, на которые он мог бы купить приличное жилье у моря. Но ведь нет, позарился на его обветшалость, заброшенность, исторический контекст даже, удаленность от людской суеты и окруженность соснами. Чтобы добраться до этого жилища, мне пришлось преодолеть значительные препятствия. Путешествие сначала на электричке до станции Боровики, затем десятикилометровое пешее по почти непролазной местности, усугубляемое черноземом и ливнями, без попытки быть замеченным живыми существами, кроме, пожалуй, белок, ворон и других редких обитателей хвойного леса.

Эта забытая всеми дорога напомнила мне о давней поездке. Несколько лет назад мы с друзьями, вдохновленные поисками смыслов и подбадриваемые откровениями классиков литературы — в размышлениях о важности посещения каждым смертным этого

Валерия Вячеславовна Колесникова родилась в 1977 году в Воронеже. Окончила факультет журналистики Воронежского государственного университета, специальность «журналист». Кандидат филологических наук. Публиковалась в литературно-художественных журналах «Метаморфозы», «Белая скала», «Смена», «Урал». Лауреат VI Международного литературного конкурса на соискание премии имени А. Куприна (2019). Живет в Воронеже.

почти заповедного места, — отправились в Оптину пустынь. Мы почти в мгновение, как будто по волшебству, очутились в непроходимом лесу. Ясный солнечный день сменился непогодой — откуда ни возьмись повалил мокрый снег, постепенно превратившийся в кашу под колесами старенького автомобиля. Мы почти увязли в этой грязной осенней жиже... Но мой друг, тот самый, кто уступил мне временно свой дом, заверил нас, сомневающихся, что это явление обычное и вовсе не сказочное. И что по пути к Оптиной редкий человек не встретит каких-либо препятствий, и «нельзя быть слабаками в достижении задуманного».

Вы можете не поверить, но тогда, когда дорога казалась опустошенной от кого и чего бы то ни было, колесо наткнулось на что-то твердое. Темнело, и мы подумали, что напоролись на сухую ветку. Остановив машину, мы увидели нечто не вписывающееся в природный контекст. На дороге лежала свежая, будто только что отрубленная голова козла. Но и этому наш общий друг нашел объяснение, заявив, что такие мистические вещи изредка случаются, и добавил, что Оптина — это особое место, где силы добра и зла борются за душу человека, и предложил вспомнить Достоевского.

Мой дорогой товарищ был настоящим философом и религиоведом. Начитавшись мировоззренческих книг, он решил воочию удостовериться в загадочности пустыни и получить ответы на мучившие его вопросы. Я, подвластный его рассказам, отправился туда просто за компанию, но также в глубине души мечтая найти ответ на один вопрос, не дававший мне покоя...

Уже несколько лет я грезил стать клоуном, настоящим, цирковым, и друг уверил меня, что именно в Оптиной мне будет дан ответ (правда, я не понимал, каким образом это вообще может случиться).

Из той поездки мне запомнилось одно событие. Нам как паломникам велено было прийти на утреннюю монастырскую службу и получить благословение у старца. Друг мой был одухотворен всем, что происходило в тех местах, и сразу направился в храм, а я остался на пороге, желая тут же при встрече со старцем получить разъяснения на мучившие меня вопросы. И вот я заметил старца. Он шел медленно, едва покачиваясь, из своей кельи, облаченный в черное монастырское одеяние, и я увидел, как к нему слетелась стая голубей. Старец остановился, чтобы накормить их, он сыпал хлебные крошки из маленького мешочка, а голубей становилось все больше и больше. Удивительно, что до сего момента я не заметил ни одной птицы в окрестностях. Затем старец направился к воротам храма, но, увидев меня, остановился. У меня перехватило дух от какой-то неведомой и благодатной силы, исходившей от него. Мне рассказывали, что старец был немногословен, как и подобает отшельникам, и давал советы лишь по своему усмотрению. Но я набрался смелости, бурлившей тогда во мне через край, и протараторил:

— Отче, можно задать вопрос?

Старец не более секунды подумал и очень тихо произнес:

— Как твое имя?

— Меня зовут Петр, — ответил я.

— Имя достойного человека, апостола Петра. В чем твой вопрос?

— Отче, как вы думаете, хорошо ли быть лицедеем, ну, то есть цирковым артистом?

— Сын мой, хорошо бы всем нам быть людьми. А клоунада для чего?

Мне было так приятно, что он заговорил со мной, тот самый человек, к которому съезжаются люди из всех уголков земли, что очень хотелось удержать его подольше:

— Отче, я так люблю свое дело. Я хочу радовать людей, хочу, чтобы они улыбались...

— Ты мог бы, сын мой, приносить людям радость. Но не превращай жизнь в представление, она хрупка и может разбиться вдребезги. Иди с Богом! — ответил старец и направился в храм.

В довершение сказанного он осенил меня крестным знамением, перед тем прикоснувшись своей теплой ладонью к моей макушке.

Человек — существо мнительное, а главное, надумывающее себе смыслы и значения в зависимости от собственного желания. В тот день я укрепился во мнении, что выбрал верный путь. И через несколько лет после поездки наконец мне посчастливилось устроиться в цирк-шапито, где я решил осуществлять свое предназначение...

Прошло еще несколько лет, утекло столько времени сквозь сито дней, мы с другом немного повзрослели — и годами, и душой, постепенно становясь более циничными и прагматичными. И та далекая поездка мне снова напомнила о моей истерзанной душе: по пути к этому заброшенному дому я укрепился во мнении, что есть какие-то невидимые циклы в жизни каждого. И мне подумалось, что все, так или иначе, возвращается на круги своя...

Ночью я спал как младенец. Природа не раздражала моей и без того расшатанной психики, а словно убаюкивала своей перевозданностью. Под шум стихий, буйствующих за окном, так приятно согреться крепким душистым чаем, теплом, парящим из камина, и избавляться от ненужных воспоминаний, которых, казалось, у меня так же много, как и налипших листьев на моем плачущем окне. И я мысленно снимал эти листья по одному с лица окна. И с каждым из этих листьев очищал свою душу от сует того мира, из которого сбежал только вчера. Лицо окна мне казалось в те минуты моим собственным отражением, и, проснувшись утром, я увидел совершенно обновленным это лицо, без мокрых слез дождя и мучающих до боли воспоминаний.

Утро выдалось пасмурным и оттого еще более чудесным. Чуть затуманенным, как и мое сознание. В первые минуты пробуждения я даже не понял, где нахожусь. Но, очнувшись, я вдруг ощутил такую безудержную радость от уединения, что я не в силах был более сдерживать себя. Я выбежал во двор своего одинокого, заброшенного дома и закричал:

— Доброе утро, планета! Доброе ут-роооо! Привет тебе, лес шумящий и шуршащий, привет вам, птицы-вороны и воронята! Привет тебе, Вселенная!

Знаете, лес мне ответил поклоном, сосны вмиг всколыхнулись, совершив движение вперед, вороны и воронята начали суетливо каркать и кинулись врассыпную в облака, а я во весь свой рот, впервые за несколько месяцев, улыбнулся этому природному великолепию и единению с природой.

Но довольно излизаний. Признаюсь, я не привык бездействовать и прохладиться. В первое мое свободное от дел утро я поначалу не знал, чем заняться. С полок огромного книжного шкафа на меня смотрели Вальтер Скотт, Лев Толстой, Уильям Теккерей, Николай Гумилев и другие гении. Когда-то, в самые тяжелые и беспросветные дни моей жизни, я мог лишь мечтать, что когда-нибудь выберу время для благодатного чтения. Но провести месяц в придуманных историях классиков мне вовсе не хотелось. Впервые я почувствовал вкус жизни подлинной, живой, с ее запахами увядающей осени, с ее шорохами и звуками тишины, казавшейся громкой, со всем великолепием этого созданного Богом мира, такого хрупкого и могущественного одновременно. В этой непролазной глуши я впервые ощутил себя малюсенькой песчинкой, и мне расхотелось покорять этот мир снова. Я решил отказаться от юношеских порывов навсегда.

Мой чемоданчик с цирковыми реквизитами был наглухо закрыт. Я забрал на память о своей прошлой жизни несколько самых дорогих сердцу вещиц: афишу о первом представлении в провинциальном городе N, красный матерчатый нос на резинке, подаренный старым клоуном, вырезку из газеты о гастролях нашего цирка и той самой трагедии, которая развернула мою жизнь вспять, фотографии цирковых коллег — людей и животных, открытки с надписями поклонников и более ничего.

II

В тот день солнце светило так, будто хотело ослепить каждого жителя этого маленького городка. Накануне я долго не мог уснуть, ворочался,пил успокоительные, а потом, когда первые рассветные лучи забрезжили на небосклоне, неожиданно заснул тягучим сном и проспал почти до полудня в старой гостинице для приезжих артистов. Пробудившись от яркого солнца на скрипучей раскладушке, выданной мне под роспись импресарио труппы, я начал осмыслять заботы дня.

Сегодня мне впервые доверили выступить со своим небольшим номером на арене цирка. Мне недавно исполнилось двадцать четыре года. Ровно десять из них я грезил о манеже, ровно десять из них я готовился к этому представлению.

В шапито, где я стал работать, был в штате старый клоун. Его много лет назад выгнали из одного всем известного цирка за пристрастие к алкоголю. Но, конечно, не сразу, его долго терпели. Он опаздывал на репетиции, срывал представления, а однажды, во время одного из выступлений, уснул прямо на манеже. Чтобы его не ругали, когда он был подшофе, клоун заходил к своему другу-слону, у которого ежедневно убирался и которого подкармливал, ложился к животному в ноги и засыпал, а слон продолжал трепетно охранять его сон. Был случай, когда дрессировщик пытался заставить слона выйти из клетки, чтобы проучить артиста-нахала, но животное не позволило тревожить своего друга, грозно направившись на обидчика. Так, будучи частенько пьяненьким, клоун всегда мог выпастся, зная о дружеской защите. Но в конце концов ему закрыли доступ в тот цирк навсегда. И маленькое кочующее шапито оказалось для него последним пристанищем, а зрители, помнившие о его былой славе, часто ходили посмотреть именно на него. Я тоже хорошо знал имя этого клоуна и пришел сюда работать специально, можно сказать, исключительно для того, чтобы набраться опыта у этого добродушного старика.

Итак, в тот день мое представление было дополнительным номером, указанным мелким шрифтом в программе. И я получил множество ценных советов от теперь уже коллеги. Удивительно, что клоун волновался за меня, как родной отец: сел в первом ряду и наблюдал за моим выступлением, будто готовый вскочить в любой момент, чтобы поддержать новоиспеченного артиста. Старику, вероятно, льстило искреннее поклонение его таланту, а мне — его неподдельное внимание к моему творчеству и человеческое участие...

Я действительно долго и кропотливо готовился: просмотрел, наверное, все видеозаписи артистов оригинального жанра, прочитал воспоминания выдающихся артистов цирка, самостоятельно научился жонглировать, по-клоунски гримироваться, делать колесо и другие трюки, а также придумал номер, которого до меня не было ни в одном цирке мира.

«Смеющиеся шарики счастья» — так я назвал свое дебютное выступление. Я выходил на арену в цветном костюме с мелкими рисунками разноцветных воздушных шариков. Мне пришлось отдать целое состояние за заказ, так как ни в одном городе я не встречал подобных расцветок. От ткани невозможно было оторвать глаз — так она переливалась и сияла всеми цветами радуги. При движении блесток шарики будто перемещались по поверхности рубашки, и это было похоже на движущееся изображение на телеэкране.

Мой клоунский номер заключался в следующем. В зале выключался свет, и я под музыку выезжал на одном колесе, передвигаясь по краю манежа. Прожекторы следили за моим движением, все ярче высвечивая мой волшебный костюм. При свете софит

это фантастическое сияние увеличивалось в разы, и шарики на костюме иллюзорно начинали движение вместе со мной. Зритель мог подумать, что такое перемещение шариков — работа невидимого прожектора, но это была исключительно иллюзия человеческого ока, мое изобретение, вымученная годами находка. Затем свет постепенно становился ярче, и зрители убеждались (по крайней мере, те, кто были любопытны от природы), что никакого прожектора нет, а шарики продолжают вращаться самостоятельно. И это было только начало! Я хотел сделать свой номер фееричным, самым запоминающимся из всех когда-либо увиденных зрителями в цирке. На это мне потребовались все мои сбережения. Я подсчитал, что заработанных в кабаке денег мне хватит приблизительно на пятьдесят представлений. А потом, размышляя я, успею заработать еще или придумаю что-нибудь менее затратное.

Следующим звеном моего замысла стали настоящие воздушные шары всевозможных размеров и цветов. На них перед каждым представлением я рисовал улыбающиеся мордашки. Мне хотелось рассмешить или хотя бы заставить улыбнуться каждого из зрителей. Под куполом цирка я собственноручно взгромоздил огромный мешок, из которого ассистент по моей команде сбрасывал по одному смеющемуся шару. Звук каждого из них сопровождался записанным на магнитофонную ленту определенным голосом. Я выучил их последовательность наизусть. Это был людской смех, записываемый мною десять лет подряд, и мне казалось, что я уже собрал голоса всего человечества — от мала до велика. В моем архиве были голоса детишек — мальчиков и девочек, переходящие от всхлипывания к задорному хохоту, были смех-дразнилка, смех-икалка, смех-журчание, смех веселых матросов и жеманных барышень, смех абсолютно пьяных, трезвеющих и никогда не пьющих, смех забавных старушек и косматых стариков, больных, пребывавших на смертном одре и выздоравливающих, обреченных и одухотворенных. Но своей заслугой я считал не то, что записал несчетное число людей.

Я был горд тем, что смешил их лично, и потому считал, что имею право записывать на пленку результат своей работы, так же как врач фиксирует в медицинской карте диагноз пациента. Но в отличие от врача я не ставил диагнозов. Мне хотелось верить, что я выдавал волшебные пилюли, которые, на мой юношеский взгляд, делали людей лучше, добрее и отвлекали их от повседневных забот.

На сцену сыпались с купола цирка смеющиеся разноцветные шарики, сначала по одному, а потом — застилая собой весь зал. Я останавливался, балансируя в колесе, в самом центре манежа, и открывал огромный прозрачный клеенчатый зонтик.

— Мне кажется, сегодня пойдет дождь, — обращаясь я к зрителям, среди которых было много мальчишек и девчонок, смотревших на меня с задором. И поднимал голову к куполу цирка. — Видите, там свисает синяя нахмуренная тучка?

Дети устремляли взоры вверх, и я продолжал:

— Давайте на мгновение представим, что тучка нам подарит не слезы дождя, а радость, настоящий человеческий смех. Думаете, так не бывает? — я снова обращался к зрителям. Дети, подозревая неожиданное, все же отрицательно кивали головами.

— Ну что ж, я расскажу вам одну историю, когда я сумел превратить слезы в радость.

Удивительно, что в цирке воцарялась полная тишина, маленькие и большие зрители, будто завороченные, со вниманием начинали воспринимать мой рассказ.

— По соседству со мной жила маленькая девочка. У нее случилось небольшое несчастье, — я врал только в этом эпизоде, ибо несчастье было большим. У нее умер отец. — Она сидела в подъезде, на ступеньках, и горько плакала. Я, зная о несчастье, всеми силами пытался ее отвлечь: придумывал забавные истории, стоял на руках, жонглировал и в итоге добился своего. Девочка засмеялась вот таким смехом...

И из-под купола полетел первый розовый шарик с залиvistым девичьим смехом, похожим на колокольчик (я не стал рассказывать зрителям, что смех этой девочки я не посмел бы записать). Дальше было больше. Вслед за девичьим смехом начинал хохотать водитель автобуса, затем полицейский, медсестра, грузчик. На арену начинали сыпаться воздушные шарики разных цветов и размеров. И постепенно записанные голоса смеющихся начинали сливаться с залиvistым смехом зрителей, постепенно преобразуясь в один общий вселенский смех, и, пожалуй, только я один не смеялся в эти моменты, потому что не имел права. В руки улыбающихся людей опускались смеющиеся воздушные шары. И не было ни одного грустного либо отстраненного лица. Весь зал сиял, как и мой праздничный клоунский костюм. И всеобщий благостный, какой-то спасительный хохот переходил в нескончаемые аплодисменты, под которые я удалялся на своем колесе за кулисы.

Я уходил, а аплодисменты все не стихали. Артисты нашего шапито в тот вечер приветствовали меня как победителя: радостно обнимали, подбрасывали вверх и бесконечно благодарили за представление. А импресарио даже приказал сменить к следующему представлению афишу, где мое имя значилось бы самым крупным шрифтом: я вмиг стал ведущим артистом шапито. Ближе к ночи мне, как и всем новобранцам, предстояло устроить банкет. Коллеги помогли накрыть столы: мы накупили много съестного и алкоголя. Во время банкета мой дорогой друг, старый клоун, сидел поодаль и на удивление не выпил ни рюмки. Он просто наблюдал за происходящим, и было видно, что его что-то беспокоит либо он погружен в какую-то свою думу.

Перед тем как уйти в гостиницу, я подошел к нему и спросил, что он думает о моем номере. Его мнение для меня было важнее любых лестных отзывов.

Он взял мою мокрую от волнения руку, повернул ладонью кверху, затем вынул из кармана свой тряпичный клоунский нос и отдал мне:

— Я много лет пытался создать хоть какое-то подобие такого волшебного номера. Я смешил людей, но не одухотворял их. У тебя есть талант врачевания душ, не потеряй его! Есть поверье: если хотя бы на время оставить дар, полученный свыше, он переходит к другому. Береги этот дар, мой мальчик!

Расчувствовавшись, мой старый друг начал долго трясти мою руку, его глаза наполнились слезами:

— Да, вот еще. Это самое важное. Не возгордись, ибо в самомнении мы теряем ощущение реальности. И никогда не запивай неудачи вином, как это делал я. Есть еще кое-что, но, пожалуй, третье наставление ты не сможешь выполнить. Это не под силу молодому человеку. Достаточно и этих двух.

Клоун потрепал меня по щеке и уже хотел было уйти, но я остановил его и крепко обнял. В тот момент я подумал, что через него говорит со мной тот старец, и мне хотелось дослушать его речь до конца.

— Скажите, что же это за наставление? — сказал я после некоторой паузы.

— Ты способный ученик, вернее, не так... — клоун сильно разволновался, и по его лбу потекла капля пота. — Ты ученик, который превзошел своего учителя. Хорошо, я скажу. Но жизнь сама определит, будет так или иначе. Если когда-нибудь полюбишь по-настоящему, не предавай это чувство. Пусть любовь будет неразделенной или взаимной. Первый свет — от Бога. Без любви все бессмысленно.

Я тогда действительно не понял, зачем мне это третье наставление. Мне казалось, что о любви не может быть и речи. И моя единственная любовь — это цирк.

— Я теперь могу спокойно уйти из цирка, — добавил клоун. — Мне совсем не жаль отдавать тебе свой дар.

Он пронзительно, пристально посмотрел на меня, будто прощаясь навсегда, и удалился. Я долго буду помнить эту встречу.

III

Воспоминания прошлого были такими печальными, будто недавно пережитыми, и бередили мою душу, словно не желавшие предаваться забвению. Но я пообещал сам себе, что не вычеркну из памяти ни одного из них и сохраню в душе все, что случилось со мной за это время: и беззаботное веселье, и невосполнимую грусть — все чувства одинаково наполняли меня. И все-таки нельзя, нельзя жить прошлым, ибо теряешь настоящее. Я это прекрасно понимал.

В размышлениях я дотянул до обеда. Утром я привык не завтракать. Мне вполне хватало двух чашек горького кофе. Это был мой утренний ритуал, без которого день мог не заладиться. Я варил кофе в любых условиях, наслаждаясь его ароматом. А к обеду мне нужно было съесть что-то из любимых блюд — так рекомендовал мой доктор для восстановления аппетита.

Дом моего друга был полностью благоустроен. В центре зала красовался камин, который согревал дом поленьями, отопление тоже имелось, но я не помню, чтобы им когда-либо пользовались. Обстановка располагала к размышлениям у мерцающего огня. Но еду всегда готовили цивилизованно — на электрической плитке, состоящей из двух конфорок, а еще в духовом шкафу. И я направился на кухню, где решил побаловать себя изысканными блюдами, которые когда-то готовил исключительно для Софи. В моем распоряжении находилась свежепотрошенная утка, которую я вдохновенно начинил чесноком и черносливом, затем обильно смазал ранее приготовленным сметанным соусом, добавил к ней картошку и отправил в духовку жариться. И снова сел к камину с первой попавшейся под руку книгой, чтобы скоротать время до обеда. Почти все имеющееся у моего друга бумажное наследие было делом моих рук. Я много лет дарил ему книги — от новинок до классики — в надежде, что когда-нибудь на старости лет мы, два сидящих старика, с бокалом красного вина приступим к одному из самых иллюзорных наслаждений — чтению. Каждый возьмет понравившуюся книгу и будет читать ее с упоением. Мы будем цитировать друг другу знакомые и неизвестные фрагменты, размышлять о смысле бытия и вспоминать о днях давно минувших.

Я не терял этой надежды и сейчас. Как знать, такое вполне еще могло случиться. А пока я в одиночестве открыл книгу, полюбившуюся мне еще в юности. Автором ее был Евгений Шварц. Вы не поверите, но мне казалось, что порой он говорил моими словами, будто подслушивал мои мысли и думал моей головой. В детстве я зачитывался его сказками, не осознавая, какой глубокий смысл содержится в них. Шварц был романтиком и правдолюбом, для меня — человеком невероятным, посланным Богом на эту грешную землю для обличения пороков. Мне всегда казалось, что в разные периоды истории на многострадальной планете появлялись такие вестники, которые проповедовали об истине. Среди них были люди разных профессий и вероисповеданий, вероятно, для того, чтобы достучаться до каждого жителя земли. И даже если твой сосед потерял смысл жизни, обязательно в его дверь постучится такой посланник — через литературу, музыку, живопись, религию. Так вот Евгений Шварц был, как мне казалось, своего рода посланником свыше, проповедовавшим о пороках общества и государства, о силе и сокозвизах любви, о времени, которое невозвратно.

Беспорно, были и другие, вероятно, более великие и величественные. Но я полюбил его давно, с раннего детства, еще и за то, что он звучал голосом моей мамы и убаюкивал мои страхи и сомнения. И я порой терялся, не понимая, кто говорит со мной: она или так ветвистая мысль писателя проникает в мое пока незрелое сознание?

Несколько цитат Шварца я сумел выучить наизусть и вспоминал их в разные моменты моей извилистой жизни:

«Сразу ничего не дается. Чтобы удалось, надо попробовать и сегодня, и завтра, и послезавтра». Или вот еще: «Мне захотелось поговорить с тобой о любви. Но я волшебник. И я взял и собрал людей и перетасовал их, и все они стали жить так, чтобы ты смеялась и плакала. Вот как я тебя люблю».

Как бы мне сейчас хотелось сказать эти слова Софии...

Но довольно размышлений, утка позвала к обеду, а затем я решил продолжить наслаждение под названием «ничего неделание». По сути, человек — существо праздное, и любой комфорт способен превратить его в бездельника. Хотя для мыслящего человека безделье — это хороший повод поразмыслить о собственном предназначении и позволить самому себе отстраниться от ежедневных забот. Но мой мозг отказывался бездействовать, и мне приходилось постоянно понуждать его не думать.

В попытке отдыха, чередовавшегося с тягой к размышлениям, я скоротал этот день. Я впервые наслаждался отшельничеством: мне не хотелось никого смешить, ни с кем разговаривать, не хотелось планировать и думать о том, что будет завтра. Я знал, что завтра настанет такое же утро, неважно, будет день солнечным или пасмурным, ничего не обещающий каждый новый день даст мне так много, будто это самый главный день моей жизни.

Путаясь в потоке мыслей, я начал дремать и сам не заметил, как уснул.

IV

Это была моя последняя встреча со старым добрым клоуном. Наутро после моего представления мне сообщили, что он скорострительно умер. Я сначала не мог осмыслить эту печальную весть. «Значит, он попрощался», — думал я. Мог ли он предчувствовать свою кончину, повлияло ли так на него мое представление, ушел он в радости или скорби? Эти вопросы не давали мне покоя.

Мой дорогой, любимый старый клоун, мой милый друг, раскрывший все свои секреты недавно появившемуся на твоём пути молодому человеку, мне, кого ты знал так недолго и, казалось, знал всю жизнь. Я верил в твоё возрождение, в твой новый стремительный взлет, в то, что мы ещё не раз выступим на одной сцене, что нам будет рукоплескать зал, что я буду у тебя учиться ещё много-много лет. Отчего так случилось и почему все беды и несчастья происходят так неожиданно? Нет ответа. Человек должен искать его сам.

Наш маленький цирковой коллектив в этот день покидал провинциальный городок, и неожиданный уход клоуна доставил коллегам «массу неудобств». Родственников у артиста не было, по крайней мере, он о них ничего не рассказывал. Родился он вдалеке от этого захолустного местечка, и хоронить его тоже было негде. Руководство отказалось отдавать на погребальные услуги выручку от представления, а потому артисты собирали средства с миру по нитке, кто сколько сможет. Единственной заслугой начальников шапито стал договор с каким-то ритуальным агентством о месте для захоронения несчастного. Это было заброшенное старое кладбище, где хоронили бомжей, преступников и лиц неопознанных. Погребение я взял на себя: у меня оставались средства для закупки реквизита на будущие представления, и они все ушли на оплату похоронных услуг.

Как разноцветный гигантский воздушный шар, спустил свои парусиновые крылья недавно обретенный мною и потерянный цирк-шапито, а на том самом месте, где ещё вчера раздавался смех детей, остался пустырь. И я — с охапкой собственных афиш, напечатанных этой ночью и случайно забытых руководством цирковой программы. Я значился там главным номером, и по иронии судьбы «Смеющиеся шарики счастья»

уехали гастролировать в другой город без ведущего артиста. И как меня ни уговаривали, что, мол, старому клоуну уже все равно, я остался с ним, пообещав быстро уладить все дела и вернуться. Мне не хотелось, чтобы человек, который был так любим многими, а главное — мной, покинул этот мир, как старая дворовая собака. Я вспомнил, что клоун, будто наполненный предчувствием смерти, рассказывал мне, как видит свою прощальную церемонию: бравурно звучит оркестр, исполняя узнаваемую цирковую мелодию, с которой он выходил на арену, а вокруг звучат аплодисменты...

Я выполнил эту просьбу, наняв захудалый похоронный оркестр. Мне долго пришлось им объяснять, как будем провожать моего друга и кумира. Я также заказал умершему красивый клоунский костюм из той самой волшебной ткани, которая у меня оставалась про запас. И решил, что жители этого городка должны надолго запомнить прощание с великим клоуном. При мне было, как минимум, пятьдесят оставшихся от представления воздушных шаров, которые я нес сам, привязал к рукам оркестрантов и раздавал ошалевшим прохожим, восклицая: «Умер самый великий на земле клоун, он просил, чтобы вы улыбались!» Многие прохожие брали приготовленные для моего нового представления «смеющиеся» шарики и не расходились, а следовали за мной, постепенно выстраиваясь в единую процессию. Так мы прошли несколько кварталов и добрались до этого чудовищного кладбища, где, окруженные толпой ротозеев, завершили церемониал. Я остался один на один с моим клоуном. Да, и еще белая голубка, которая прилетела к деревянному кресту и села на него. В кармане куртки у меня лежал диктофон, на который по просьбе моего друга я записал его смех. Он мечтал, чтобы я включил его голос в свой цирковой номер:

— Это образ вселенской радости, мне видится, как смеется вся наша земля, и я очень хочу быть этой частью, — говорил он мне тогда.

Я решил послушать его голос вновь, мне безумно не хватало старика, и я никак не мог представить, как теперь буду обходиться без него. Я нажал на кнопку диктофона и услышал знакомый анекдот, рассказанный старым другом. После своего же рассказа он так заразительно смеялся, что я невольно начал улыбаться. Я повторял эту запись снова и снова, и мне казалось, что старик где-то рядом и что он обязательно вернется. И что у меня в руках — доказательство его бессмертного существования. Доказательство, которое будет всегда со мной.

V

Софи стала воздушной гимнасткой по воле случая. Ее воспитывала родная сестра матери мисс Элеонора — именно так уважительно называли ее все артисты этого цирка. Мисс Элеонора работала здесь управляющей, она была пышногрудой привлекательной женщиной, и ее расположения искали многие, поскольку в любых, я подчеркиваю, в любых обстоятельствах ее слово было решающим. Девушка была вынуждена работать там, и даже крепкие материнские чувства мисс Элеоноры (она считала племянницу своей дочерью) не позволили Софии выбрать себе иное призвание. Управляющая мечтала, что из девушки получится выдающаяся артистка, но только надо пройти долгий и непростой путь.

— А все условия для своей дочери я обеспечу, — повторяла она частенько.

Я оказался в этой труппе после долгих скитаний случайно. Для себя я решил, что больше не вернусь в шапито, так бесчеловечно поступившим с моим другом. Да и в цирк вообще возвращаться желания не было: я осознал сиюминутность и бренность бытия, и это было весомым аргументом для того, чтобы искать какие-то новые смыслы. Но в то же время, как я ни силился, не мог забыть того единственного представления, ко-

торое принесло мне успех, а людям, посетившим его, — неподдельную радость. После года раздумий, перемежавшихся с попыткой заработать деньги, я очутился в одном городке на одном невероятном представлении, после которого все изменилось.

Оказалось, слава о моем выступлении разнеслась далеко за пределы того глухого местечка, где прошло мое первое и пока единственное представление. Ходили слухи, о чем я узнал позднее, что в этот городок специально приезжали агенты из разных цирков страны, опрашивали всех — от местных жителей до уличных продавцов — с целью найти меня. Но после похорон клоуна я почти сразу покинул этот город, и найти меня вряд ли было возможно. На некоторое время я стал обычным посетителем цирков, хотя было одно обстоятельство, отличавшее меня от остальных ротозеев. Я был до такой степени болен цирком, что не мог думать ни о чем ином. Все заработанные средства я откладывал на возможные будущие представления, я мысленно придумывал номера и трюки, я искал реквизит. Мой разум все эти месяцы находился в споре с моей душой.

Так я стал странником, перебираясь из города в город исключительно для посещения цирковых представлений. В каждом из городов я подыскивал себе работу, чтобы не умереть с голоду, и купить билет в цирк. Прошло несколько месяцев моей беспросветной жизни, для меня абсолютно потерявшей всякий смысл. Ночами мне снилась арена, мое выступление, которое почему-то заканчивалось провалом: воздушные шары сдувались или лопались, не успев спуститься к зрителям, а мой старый клоун, наблюдавший в первом ряду за происходящим, молча вставал и с видом разочарованного покидал зал. Этот сон повторялся в разных вариациях, но итог его был один — я провалил номер. Впрочем, меня тяготило не это обстоятельство, а молчаливый укор старого артиста. Просыпаясь, я трактовал этот сон так: где-то на небесах он смотрит на меня и сожалеет, что я не стал продолжать его дело, столь значимое для нас обоих. Вероятно, такая борьба с собственной сущностью велась бы еще долго, возможно, я бы и не решился выходить на арену вновь, если бы не очутился на том самом представлении, которое многое изменило в моей судьбе.

Это было в городе N. Артисты этого цирка славились по всему миру тем, что выполняли немыслимые, очень сложные трюки без страховки. С одной стороны, мне всегда импонировали люди, любившие рисковать, возможно, еще и потому, что я по жизни отличался осторожным нравом и старался все продумывать до мелочей. С другой — я понимал, что рисковать своей жизнью ради минуты зрительского восхищения — это какой-то абсурд, нездоровый азарт, вовлекающий в бездну. Так вот меня притягивала к таким людям какая-то неведомая сила, Впрочем, я не был в этом одинок. Артисты этого цирка собирали полные залы, их приглашали в разные страны, их представления были запланированы на год вперед. Я не буду долго описывать их деятельность, ибо речь сейчас пойдет не об этом.

Прошло много лет, но я до сих пор клянусь себя за то, что не ушел после этого злополучного представления. Предусмотрительность и воля покинули меня. Меня засосало в эту воронку, и выбраться уже было невозможно.

Итак, я очутился в первом ряду зрительного зала и с нетерпением ждал начала. Новая программа, которую с успехом прокатывала труппа этого цирка, носила название «Летающие гимнасты». Я слышал много отзывов об этом номере, читал восторженные рецензии критиков, слушал возмущенные отзывы обывателей, ибо трюк был на грани жизни и смерти, и не посмотреть на это зрелище было выше моих сил.

Несколько юных гимнасток и крепких гимнастов поднимались на специальном металлическом приспособлении под самый купол и проделывали без страховки такое, что, наверное, любой артист среднестатистического цирка не согласился бы совершать за огромные деньги. Над ареной на высоте около десяти метров был натянут метал-

лический трос, на котором и совершались все эти безрассудные трюки. Гимнасты становились по краям троса, и их задачей было удерживать на плечах летающих див. Девушки поднимались друг за другом под небеса, выстраивались на плечи гимнастам, а затем и друг к другу, образуя пирамиду или лестницу, и поочередно спрыгивали на шатающийся трос, пытаясь удержать равновесие и при этом совершая разнообразные кульбиты. Не знаю, удалось ли мне описать всю абсурдность их действий, но этот номер длился так мучительно долго, что за это время не то что артисты, но и зрители могли бы сойти с ума. Смотря на это безумие, происходившее под куполом, я никак не мог взять в толк: почему эти юные барышни соглашались рисковать своими жизнями, почему импресарио этого цирка не боялся пойти под суд. На все эти вопросы мне еще предстояло найти ответы. Добавлю лишь, что в этом цирке гибель артистов случалась частенько, но все суды после таких трагедий заканчивались ничем. С каждым артистом импресарио подписывал договор, где обговаривались все возможные риски, а потому претензий быть не могло.

Трагические случаи, как ни удивительно, были еще одной причиной посещения этого цирка зрителями. Такие истории хоть и ранили кому-то душу, но многим казались завораживающими, и я сам несколько раз слышал, что люди шли в надежде увидеть что-то душераздирающее. Я никак не мог взять в толк: откуда в человеке возникает такая потребность? Почему нас притягивает чужое горе? Я объяснял себе это так, что маленькому человеку, духовно бедному, проживающему свою скудную и унылую жизнь, боящемуся расширить границы собственного кокона, никогда не надоест наблюдать и обсуждать жизнь и смерть другого человека, ибо своей у него попросту нет.

У меня на тот момент тоже не было собственной, поскольку я, как и говорил ранее, потерял смысл своего существования...

Среди юных артисток я обратил внимание на одну девушку. Мне показалось, что она была самой юной, очень хрупкой, как тростинка, и абсолютно беззащитной. В то же время в ней не было робости или страха, читаемого в глазах других артистов. Она выполняла трюки с серьезным выражением лица, была необычайно сосредоточенна и невероятно красива. Я сумел разглядеть ее черты, когда перед началом представления она вместе с остальными гимнастами вышла на арену. Лицо ее было бледным и спокойным, но это была природная бледность, оттеняемая светло-русый цветом волос. Волосы ее были забраны в пучок, но сквозь него пробивались локоны, что придавало естественность ее облику. Но самое прекрасное — это были ее глаза, окаймленные длинными, скорее всего наклеенными ресницами. Глаза казались огромными, почти круглыми и занимали большую часть лица. Она напомнила мне одну фарфоровую куклу, которую я видел в небольшом магазине игрушек. Только кукла была неестественно хороша, а девушка представляла собой воплощение совершенства и гармонии.

Она стала верхним конусом пирамиды из человеческих тел. Сначала атлантического телосложения гимнаст, две ее напарницы и четвертой — она. Самая хрупкая и, наверное, самая смелая из них. Мое сердце заколотилось от отчаяния. Я неотрывно следил за их действиями и параллельно представлял себе, что могло бы случиться, если этот чудовищный трюк не удастся. Я видел несколько трагических цирковых представлений, но что будет так, как случилось в этот день, не мог и предположить. После нескольких разогревающих зрителей моментов затихла музыка и зазвучала барабанная дробь. Я понял, что гимнастки, стоящие сверху друг напротив друга, должны совершить какой-то кульбит в воздухе и приземлиться на трос, за ними — вторые, третьи, а затем и сами «атланты». Они образовывали шеренгу и, словно порхающие бабочки, опускались на стебель цветка. Так продолжалось трижды. Первые два раза трюк был выполнен безукоризненно, но в третий раз «атлант», держащий хрупкую пирамиду из жи-

вых существ, на вершине которой стояла заворожившая меня девушка, неожиданно качнулся, следом за ним — она, уже взлетавшая в воздух, и, неудачно приземлившись только на одну пуанту, юная красавица стремительно полетела вниз. Я замешкался, но вовремя успел вскочить, благо что сидел в первом ряду, и пока очумевшие от случившегося ассистенты подбегали к арене, я практически на лету успел поймать ее: она рухнула прямо мне на руки с десятиметровой высоты, тем самым смягчив удар. Я с грохотом упал на арену. Зал ахнул. Мне слышалось, что раздавались какие-то крики, но я не очень сумел разобрать, кто и что кричал, все происходило, как во сне...

Представление ненадолго приостановили. Врачи, работавшие в штате этого цирка, тут же осмотрели гимнастку, пошептались и унесли нас обоих на носилках. Взволнованный конферансье объявил зрителям, что все остались целы и почти невредимы и представление будет продолжено. Так я познакомился с Софи.

VI

Я прекрасно помнил, как все началось. Софи была не из робкого десятка, я много раз потом убеждался, что она обладала силой воли, сравнимой разве что с мужской, и при этом была хрупкой и ранимой, если это только не касалось работы. За ней ухаживали все особи мужского пола, кто хотя бы немного был с ней знаком. Но это было не нахальное ухлестывание, свойственное современным нравам. Это было обожание, обоготворение, выражавшееся в желании помочь, вознести до небес, ну, или хотя бы поговорить — чтобы хоть как-то продлить с ней время пребывания. Мужчины — от молодых до стариков — старались радовать ее, и на ее серьезном личике появлялась вдруг такая солнечная улыбка, лучи которой согревали душу каждого, кто был рядом. И ее смех, как передать вам ее залиvistый, бурлящий, будто горная река, невероятный искренний смех. Я, записавший дюжину смеющихся, не мог себе и представить, что смех может быть таким чистым и сияющим. Если собрать голоса всех моих знакомых и пропустить их сквозь волшебное сито — вот таким будет ее смех: лучезарным, согревающим и дающим надежду всем, кто ее слышал.

Я, конечно, тоже не мог устоять перед ее очарованием, и мне хотелось чаще бывать рядом. Я искал любой повод, чтобы видиться с ней. Собственно, снова работать в цирке я согласился исключительно из-за Софи. Поначалу я напросился быть обычным ассистентом, и мне не смогли отказать лишь потому, что я спас гимнастку. Мисс Элеонора вмешалась в мою судьбу, и меня сразу ввели в штат как ассистента: прикрепили к номеру воздушных гимнастов, и я стал ежедневно видиться с Софи. Она, конечно, не знала, что я тот самый «смеющийся клоун» — именно такое прозвище мне дали в цирковой среде. Обо мне уже ходили легенды, а некоторые артисты утверждали, что я выдумка и создать такой номер не представляется возможным. До поры до времени я не хотел никого переубеждать, пока в мою жизнь не вплелась любовь...

Что человек без любви? Бесчувственное существо, механически выполняющее свои обязанности. А ведь есть такие, которые намеренно уничтожили свои чувства, чтобы не страдать, чтобы не быть уязвимыми. Встречались на моем пути и те, кто не умел любить, как ни пытался. Мы способны говорить о физических недугах людей, но почти никогда — о душевных. Человек с искореженной душой гораздо несчастнее того, кто болен физически. Но самое страшное, на мой взгляд, когда он намеренно уничтожает себя, поклоняясь какой-либо иллюзии или идее. Что тело, оно и так тленно. Вечная душа, измученная оболочкой проходимца, насильно заточена в плен, и ей никогда не выбраться, пока носитель жив. И этот самодержец отведет свою погибающую душу в Гефсиманский сад и поцелует. И предаст. И распнет на столбах своих иллюзий, расправившись над ней.

А любовь? Она единственное спасение, мой старый клоун был прав. Так и моя любовь позволила мне взглянуть на этот безумный мир другими глазами. Увидеть его во всей красоте и осознать, что мир совершенен до тех пор, пока человек не начнет самостоятельно разрушать его.

Так размышлял я, пребывая на даче моего друга. О любви и смысле человеческого существования. Евангельская история, пересказанная мне давным-давно моим другом, стала для меня настоящим откровением. И не столько в осмыслении самих заповедей, разъясняющих правила человеческого бытия, сколько в самом их посыле. Представьте себе хотя бы одного человека, который по собственной воле хотел бы подставить щеку в ответ на удар, который сам был бы готов стать милостивым к проклинающим и клеветущим, прощать тех, кто ненавидит тебя. Я понял, что Евангелие не мог придумать человек, ибо это противоречит его сущности: зачем истязать свое тело ради мифической вечной жизни? Где доказательства, что, поступив так, я обрету в финале своего бытия рай?

Нет, человек такое придумать не мог...

VII

Наш первый откровенный разговор с Софией случился на морском побережье. Я уже несколько недель работал ассистентом в их цирке и виделся с ней каждый день. Мы приехали в этот приморский городок увядающим летом и вечерами старались находить время для отдыха и любования стихией. Я впервые увидел море! Я слышал о нем, но не представлял себе всю его мощь и величие. Послушные волны медленно накатывали на каменистый берег, в тишине было слышно их каждое движение. Они будто рассказывали историю своих странствий — про путешествия в разные страны, про жизнь морских обитателей, про погибшие и спасшиеся корабли, про нас, людей-песчинок, которые приходят, чтобы насладиться величием моря. В тот момент я чувствовал себя таким же путешественником, как эти волны, но, наверное, более обездоленным, чем они, ибо ими управляла какая-то неведомая сила. И не было хаоса в их ритмичном движении, подчинявшемся своим, неподвластным моему разуму, законам. А моя жизнь странника, как мне тогда казалось, не имела никакого смысла. До тех пор, пока не появилась она...

— Какой ты странный, — удивлялась Софи. — Все время молчишь, а ведь сам позвал меня погулять. Расскажи о себе.

Я понимал, что пора поведать ей свою историю, поскольку доверял ей, и мне очень хотелось понравиться, стать ей настоящим другом. И главное, я не хотел, чтобы она уходила.

— Моя мама тоже была артисткой одного маленького цирка, работала в группе жонглеров. Я смутно помню эти дни, когда, будучи маленьким мальчиком, сидя за кулисами, ждал ее возвращения. Я сидел в гримерках и подсобках, а однажды, не дождавшись ее, уснул неподалеку с клеткой, в которой обитали тигры. Меня долго искали по всему цирку, и поднялась паника. Проснулся я лишь на рассвете и сам добрался до маминой гримерки, не понимая, почему она меня не разыскивала.

Мама очень любила меня, как мне казалось, до тех пор, пока к нам в труппу не взяли нового артиста, он заменил ей меня. Все свободное время она стала проводить с ним, а потом, в одну из ночей, разбудила меня (мне тогда было около пяти лет, но я запомнил эту ночь до мелочей), посадила на колени, начала плакать и что-то объяснять про отца, который бросил ее беременную. Говорила, что она никогда так никого не любила, как этого нового артиста, что ей надо ненадолго уехать и она обязательно вернет-

ся за мной. Я помню, что обхватил ее руками за шею, умоляя взять с собой, обещал не мешать, быть незаметным, но она была непреклонна. Я видел отчаяние в ее глазах, даже сомнение, правильно ли она поступает. Я говорил ей:

— Мама, а как же я? Мне страшно жить без тебя, я так люблю тебя, не уезжай!

Слезы лились по моим щекам, я рыдал. Я начал вспоминать наше прошлое, и как мама читала мне сказки Шварца, как мы обсуждали их. Мы начали плакать вместе. Это было светопредставление. Проснулась добрая половина артистов, ей не удалось убежать незамеченной. Кто-то из ее знакомых буквально оттащил меня. Мне кажется, она в тот миг была не в себе, потому что я знал, что она любила, очень любила меня! Знаешь, Софи, я ненавижу этого артиста. Я желал ему смерти много раз. Мне виделось, что с его исчезновением мама обязательно вернется...

Я не смог говорить дальше. Ком подступил к моему горлу, и я, боясь показаться слабым, отошел подальше от Софии, забрался на небольшой утес и начал бросать камешки в воду. Мысленно я их считал. Я их бросил, наверное, с сотню, пока Софи не подошла ко мне. Моя история ее ошеломила. И это был решающий поворот в наших пока еще дружеских отношениях.

— Ты знаешь, Софи, — продолжил я свой рассказ, чтобы не выглядеть заносчивым, — ее отъезд был перед самым Новым годом. Почему я запомнил? Просто накануне все витрины магазинов стали украшать гирляндами и фонариками, в центре города нарядили елку, а в нашем цирке готовились к новогоднему шоу.

— Петр, послушай, и все-таки мама вернулась? — Софи перебила меня. Она очень любила сказки, и ей не терпелось услышать счастливый финал моей истории.

— Нет, не вернулась. Пробили куранты, и наступило первое января. Но я не хотел в это верить, потому что это было не-вы-но-си-мо. Я придумал для себя новый день — тридцать второе декабря, потому что не собирался начинать новый год без мамы. Я верил, что в этот придуманный мною день она разбудит меня ранним утром, поцелует, как обычно, в щеку и попросит прощения, что немного опоздала...

И я до сих пор ненавижу этот праздник — Новый год, ведь каждый бой курантов мне напоминает, что она никогда не вернется.

VIII

Только сейчас я понял, что объединило нас с Софи. У нас обоих не было родителей. Правда, Софии, как мне казалось, до них нет и дела. Их ей заменила мисс Элеонора: мать и отец Софи были археологами и давным-давно отправились в экспедицию в Африку, где пытались раскрыть какие-то тайны Вселенной. Подробности я не знаю, а лишь пересказываю все со слов мисс Элеоноры. Нашли они эти ответы или нет, куда держали путь дальше, неизвестно. Но они так и не объявились в городе, где оставили свою единственную дочь. Правда, ежегодно, в день рождения Софии, они присылали ей дорогие и довольно странные подарки: засушенные лапы ящерицы, макет мумии, какой-нибудь таинственный камень, якобы обладающий магической силой. И прикладывали к этим сувенирам очередное письмо об их кочевой жизни, которая, по их словам, «не принесла бы радости маленькому ребенку», но любому, даже постороннему человеку было понятно, что тем самым они оправдывали свое многолетнее отсутствие. Мисс Элеонора складывала эти письма в шкатулку, приговаривая:

— Вырастешь, дочка, и когда-нибудь захочешь перечитать эти послания, а может, и найти своих блудных родителей.

Но в глубине души пожилая женщина лелеяла мысль, что Софи не покинет ее до скончания веков. Да и грех было покидать эту милую старушку, я бы сам, вероятнее всего, не мечтал о возвращении мамы, если бы у меня была такая превосходная няня.

Но, увы, я был предоставлен сам себе. В детстве за мной присматривал весь цирк, меня жалели, особенно женщины, у которых были свои чада. Так я и вырос — в заботе и внимании посторонних лиц.

Как-то я прочел книгу о роли матери в развитии человечества и был удивлен, что женщина играет главенствующую роль на многих этапах развития отношений между особями противоположного пола. Возьмите птицу, животное или человека — женское начало всегда будет доминирующим в выборе продолжателя рода, будущего отца. И когда я нашел свою женщину, Софию, я терпеливо ждал, когда она выберет именно меня из всех своих поклонников. И, конечно, старался, как мог. Я не хотел, как павлин, распушать свой хвост в ее присутствии. Мне казалось, что моя искренность и неподдельная любовь помогут Софи принять правильное решение.

Я помню, что когда спустя время решился признаться ей в любви, мне не хотелось быть банальным и я осмелился сказать ей следующее:

— Я хочу, чтобы ты стала матерью моих детей...

Помню, мне приходилось общаться с дрессировщиками, и каждый меня убеждал, что ни одно животное никогда не отвернется от своего малыша. Мамаша тигра или питона равно заботятся о своих детенышах, будь он больной или здоровый и сильный. Защищают их, кормят, и их материнская любовь оказывается сильнее инстинкта размножения. И это высшее, что могло подтвердить премудрость Творца в животном мире. Но почему человек так жесток? Почему женщина, у которой есть любящий ее сын, готова отречься от него ради удовольствий собственной жизни? Это явное отклонение от нормы, это предательство, не соизмеримое ни с чем...

Непонятно, почему только сейчас я осознал, что от матери у меня ничего не осталось — ни одного доказательства ее существования. Это как с Богом: для меня Он есть, но физически ощутить Его присутствие невозможно.

Однажды у одного священнослужителя спросили:

— Какой самый страшный грех?

И он ответил:

— Обидеть слабого.

Я абсолютно с ним согласен. Я бы только добавил: слабого и любящего.

IX

— Послушай, Петр, а чем ты занимался все это время, пока не устроился к нам в цирк? — Софи непременно хотелось знать обо мне все. Так влюбленные пытаются проникнуть в глубь самого сердца и завладеть им.

— Ты правда хочешь это знать? — спросил я.

Безусловно, я был готов к такому разговору, а пару раз чуть не проговорился сам. И постоянно останавливал себя, так как ждал ее неподдельного интереса к моей персоне.

Прошло чуть больше года с похорон моего любимого клоуна, с тех пор я ни разу не предпринимал попыток выступить. Мой чемоданчик с реквизитами терпеливо ждал меня, пока я снова не накопил денег на воздушные шары и прочие мелочи, необходимые для представления. Я был почти готов признаться труппе, в которой чувствовал себя своим, что «смеющийся клоун» нашелся, но прежде решил удивить Софи, так как уже несколько раз слышал от нее «про этого волшебного клоуна» и при этом ловил ее мечтательные взгляды. Безусловно, она не могла видеть мое представление, но слава порой идет впереди человека, и часто люди способны надумать себе такое, чего не было и не могло быть в настоящей жизни. Легенда на то и легенда, чтобы быть приукрашенной.

И вот я наконец решил открыться, и все вышло гораздо лучше, чем я мог бы предположить. Выдался удобный момент: почти вся труппа отправилась на гастроли, оставив при этом меня и Софи. Девушка подвернула ногу, и выступать в таком состоянии было рискованно. Я тоже отпросился у импресарио, и нам как двум влюбленным выпал шанс остаться ненадолго наедине. Точь-в-точь как у Шварца: «всего только раз в жизни выпадает влюбленным день, когда все им удастся»...

Ближе к вечеру я попросил работников цирка оставить нас одних на арене, объяснив им, что хочу удивить Софи, показать небольшой цирковой номер, а двух самых близких мне друзей — тоже ассистентов — уговорил помочь со светом и трюками. Я заранее их предупредил, что об увиденном никто не должен знать до тех пор, пока Софи сама не захочет этого.

Я безумно волновался и, наверное, был в таком состоянии впервые. Мое первое выступление скорее окрыляло меня, тогда скопившаяся за долгие годы энергия моего замысла требовала как можно скорее выйти наружу. Но сейчас было абсолютно новое для меня чувство, ни с чем не сравнимое. Наверное, врач так же беспокоится о своем пациенте, чье здоровье очень хрупко. Безусловно, я понимал, что произведу необходимый эффект, потому как мой номер еще никого не оставил равнодушным. Как она среагирует? Не сломаю ли я наши первые ростки влюбленности, не отвращу ли Софи от себя тем, что так долго скрывал свою историю? Вот каким было мое главное и мучительное переживание.

Я попросил ее подождать меня в гримерке, а потом завязал ей платочком глаза и за руку повел на арену. Я чувствовал ее влажную ладонь и понимал, что Софи волновалась не менее, но доверяла мне всем сердцем. И ее доверие укрепляло меня в том, что я все делаю правильно. Я попросил Софи сесть в самом центре арены, а ассистентов — включить на мгновение свет. Мы договорились с ними, что как только она снимет повязку, я сделаю круг вокруг арены и начну представление. Стоя за кулисами, я крикнул:

— Софи, дорогая, снимай повязку!

И пока она развязывала узелок, я вышел на арену. Зазвучала музыка, прожектор осветил мой цветастый костюм, и я начал представление для нее одной. Поначалу она не очень поняла, что происходит, но когда пятый или шестой смеющийся воздушный шарик начал опускаться прямо к ее ногам, она догадалась. Она начала хлопать в ладоши и заразительно смеяться, пытаясь их поймать. На этот раз они сыпались исключительно по направлению вниз, а она, сидя на арене, ловила их, подбрасывала, но при этом по ее лицу текли слезы счастья. Софи мужественно выдержала все представление, и только когда шары закончились, вскочила, обняла меня за шею и прошептала:

— Как же я не догадалась раньше, Петр. Я люблю тебя!

Х

Наша труппа с успехом гастролировала который месяц. Мой номер с нетерпением ждали зрители, и на наше представление раскупались билеты, как только афиши появлялись в том или ином городке. Перед каждым выступлением я говорил, что посвящаю свой номер своему старому другу и клоуну, а также просил всех, кто когда-либо окажется в городе К, где похоронен мой клоун, обязательно зайти на его могилку...

После своей пламенной речи я начинал представление и видел, как преображался зрительный зал. Софи обязательно присутствовала на каждом из них и всегда наполняла цирк своим волшебным смехом. Прошло полгода моих нескончаемых выступлений. И однажды мы с Софией решили придумать что-нибудь новое. Мы создали удивительный номер, хотя ранее я был уверен, что более яркого выступления у меня никогда не получится.

— Твой номер гениален, — сказала мне однажды София на правах возлюбленной, — но давай придумаем что-то совместное. Я буду балансировать под куполом цирка и помогать тебе.

И София рассказала мне о своем замысле.

Мы решили сделать номер простым и смешным одновременно. Меня смущала лишь одна деталь: Софи настаивала, что будет балансировать на тросе под куполом без страховки. В этом цирке, как я уже говорил, страховка считалась признаком непрофессионализма артиста, и даже детей артистов приучали рисковать своей жизнью. Но София мне пообещала, что будет осторожна, кроме того, она уверила меня, что не станет выполнять опасных трюков.

Я ей рассказал, что как-то читал в газете, как один канатоходец решил протянуть металлический трос между двумя скалами и, что самое ужасное, прошел по нему под нескончаемые аплодисменты зевак. Внизу был обрыв, я не помню сколько метров было над уровнем моря, но это, на мой взгляд, было глупостью и ненужным бахвальством. Софи, напротив, так не считала, а с восхищением назвала его «настоящим мужчиной». Женское и мужское восприятие подвига безмерно отличаются. Дамам необходим ненужный шик и шумиха, они никогда не смотрят в глубь самого поступка. Для настоящего мужчины, не такого, который готов умереть ради славы и успеха, важен глубинный посыл — во имя чего совершен этот подвиг.

— Знай, подвиг ради подвига ничего не стоит. Это пустышка, пшик, мишура, бесполезное времяпровождение, но главное — вызов судьбе, Богу, трата драгоценной жизни не по назначению, — я много раз пытался убедить в этом Софи, объясняя ей о необходимости беречь себя ради нашего общего будущего, наших детей.

Но София, взращенная в такой среде, каждый раз лишь улыбалась, смотря на меня с видимым недопониманием. Казалось бы, мы оба выросли в цирке, оба любили его до одури, но какие мы были разные даже в мелочах, и никто не хотел уступить другому, никто не желал менять своего мнения.

В общем, после долгих споров мы условились, что Софи не будет подвергать себя неоправданному риску, и продолжили обсуждать сценарий. Софи предложила такую смешную историю, что мы все время хохотали, сочиняя ее.

— Ты нарядишься в смешного старого клоуна и вслед за лучом прожектора поднимешь глаза к небу. Затем скажешь: что я вижу? Это звезда! — начала свой рассказ Софи.

— А звезды не любят стариков, а потому мне не суждено на ней жениться, — продолжил я скрипучим голосом, пародируя клоуна.

— Звезда рассмеялась и сбросила старику маленькую блестящую снежинку, — Софи понравился наш импровизированный диалог.

— Я не просто старик, а известный богатый клоун, — начал придумывать я на ходу, — а значит, у меня есть шанс, и тому подтверждение — подарок от звезды.

— А может, это вовсе не подарок, а обычный снегопад, говорящий, что ты слишком старый и седой, как этот снег, — рассмеялась София и изобразила падающие сверху хлопья снега.

— Старик начал громко рыдать и просить дать ему шанс! — сообщил я снова голосом клоуна.

— Ну, хорошо, — согласилась Софи. — Я дам тебе волшебную конфету, она позволит тебе помолодеть на десять лет, и тогда я подумаю...

— Всего на десять? — огорчился я. — А нельзя ли хотя бы на семьдесят? Если вычесть десять, мне будет восемьдесят.

— Ой, дедушка, — продолжила звезда и бросила вниз воображаемую конфету, — с такой высоты и не видно, что ты так стар. Но ничего не поделаешь, съешь для начала эту.

— Мне терять нечего, — подыграл я и засунул пойманную конфету в рот. — Ну что, похорошел?

— Как-то не очень, — расхохоталась Софи. — Сейчас я сброшу еще одну.

И она стала бросать мне конфеты, а я ловил их и ел. В этой воображаемой сценке я съел целых семь конфет. И каждый раз я менял костюм и вновь возвращался на арену чуть более помолодевшим.

— Наконец мне исполнилось двадцать, — заявил я с радостью своей звезде. — Теперь у меня будет сахарный диабет, так как я переел сладкого. Но ничего. Теперь ты обязана выйти за меня замуж, — завершил я свою речь.

— Прости, бывший дедушка, — София не могла сдержать от смеха слез. — Я обещала выйти замуж за другого.

Она посмотрела на меня пристально и устремилась ко мне в объятия. Я впервые ощутил ее так близко: запах ее волос, влажные губы. Мы поцеловались в первый раз...

После такого продолжения мы решили оставить наш номер, только без финального поцелуя. В довершение мы договорились, что из-под купола на головы изумленных зрителей начнут сыпаться конфеты. И моя возлюбленная скажет:

— Не верьте обещаниям звезд, они обманчивы! Их сияние настолько далеко от нас, их уверения так сомнительны. Возможно, ваша звезда давно погасла, а вы верите в ее мнимый свет. Живите реальной жизнью, любите тех, кто с вами рядом. И ешьте конфеты просто так!

Вот такой волшебный номер был создан нами. И мне в тот миг казалось, что любовь, без сомнения, способна творить чудеса.

XI

Настоящая любовь дается нам однажды. Теперь я в этом убежден. Лично я сразу понял, для чего Господь послал мне Софию. Это был бесценный дар за мои детские мучения, за мои предыдущие скитания и тревоги, которые, как мне казалось, я выдержал мужественно и с достоинством. И вот небеса, в благодарность за понимание, преподнесли мне главный и самый дорогой в моей жизни подарок. И как же я распорядился им? Нахальство счастливого человека не знает границ. Как только он заполучает что-либо драгоценное, по сути и недостойное его вовсе, он начинает наглеть, даже кичиться дарованным богатством. И редкий, редкий из нас будет нести эту хрустальную ношу, как воздушный гимнаст, не связанный страховкой, понимая, что одно неловкое движение, и хрусталь чувств может разбиться вдребезги.

Мы захватываем недостойное нас сокровище, как завоеватели, и хотим управлять им, и гордимся, что владеем им, и не способны понять, что даже не достойны его. Вот такая коллизия любви. Я тоже до поры до времени прекрасно понимал, что не достоин Софии, а потом стал себя убеждать, мол, так должно и быть: я заслужил ее, и это обычное дело. Я начал находить в ней недостатки, а потом и себя уже считал подарком ее судьбы.

Параллельно с влюбленными, в такт с их шагами, следует искушение, внушающее мысль об обыденности происходящего. И мы сами гасим свечу, которая могла бы светить вечно.

Но цирковые артисты — люд особый. Пусть многие считают нас какими-то странными, непонятными существами, кочевниками, живущими только мгновениями успеха. Но это вовсе не так. Напротив, мы, в отличие от обычных людей, дорожим каждым мигом, так как понимаем, что каждый шаг нашей рискованной жизни может оказаться последним. И отношения любого рода мы бережем особо — будь то дружеские привязанности или любовные истории. Вероятно, риск в нашем деле становится решаю-

щим фактором мировоззрения. Так было и у меня до тех пор, пока я не осознал, что Софи будет моей навеки. Я окреп в своих уверениях и превратился в обычного человека, коих миллионы. Это не означает, что я стал меньше любить ее, напротив, я любил ее, наверное, слишком сильно, чтобы быть осторожным, повторяюсь, но мне думалось, что Софи — моя награда, часть меня и так будет во веки веков...

Прошло около полутора лет, когда я решился сделать Софи предложение. Все в цирке знали, что она принадлежит мне, но наши отношения были возвышенными и целомудренными, без намека на что-то вызывающее. И эти чувства были предметом нашей особой гордости. Я любил в ней не только красоту, которая могла быть со временем омрачена природными изменениями, я любил ее светлую бессмертную душу, чье сияние распространялось на весь наш цирк, на каждого пришедшего на представление — от мала до велика, и я был горд, что владею ее сердцем единолично. Но она ждала поклонения. Неразрешимый для меня парадокс любовных отношений — кто должен главенствовать в семье. Я был уверен, что все решает мужчина. Об этом говорят и все мировые религии. А предназначение женщины — служить ему, своему возлюбленному. Эти мысли я однажды высказал Софи.

— Служить? — уточнила девушка. — Что ты имеешь в виду?

Она вздрогнула, но она не стала ни возмущаться, ни насмехаться надо мной. Ей очень хотелось понять меня и соответствовать моему представлению о женщине.

— Служить, — ответил я уверенно, — это означает посвящать себя мужчине, идти за ним хоть на край света, несмотря ни на что.

— Я готова, — неожиданно ответила Софи, но тут же уточнила: — А как же дети, они не в счет?

— Все должны подчиняться мужчине как главе семьи.

— Подожди, Петр, прости, что напоминаю, но получается, что твоя мать так и сделала, поехала на край света за тем, кто ей показался ее половинкой, она поступила именно так, как ты говоришь. Но при этом бросила тебя, потому что тот мужчина не хотел воспитывать чужого ребенка.

Поначалу я смутился. Эта реплика Софи, признаюсь, ошарашила меня. Я никогда не размышлял в таком ключе и невольно разозлился на нее и даже накричал:

— При чем здесь моя мать? Как ты смеешь обсуждать ее?

Софи на мгновение растерялась, а потом подбежала ко мне, обхватив меня руками за шею, и прошептала:

— Прости, Петр, прости меня, ради бога. Я хотела понять, но вовсе не осудить ее.

Я резким движением убрал ее руки и, хлопнув дверью, вышел из гримерки. Это была первая наша ссора, которая никого не научила. Вернее, не научила меня, не стала мне уроком. И если бы я сумел осознать, как был не прав, того, что случилось позднее, никогда бы не произошло...

Мне было необходимо загладить вину, и я в тот же вечер решил сделать ей предложение.

Видно было, что Софи ждала меня, очень переживала и была неимоверно рада моему возвращению. Она как ни в чем не бывало подбежала ко мне и протянула мне руку. Я остановился и произнес:

— Софи, дорогая, извини меня, если можешь. Я не достоин тебя, но если вдруг ты будешь готова простить меня... — я немного замешкался и продолжил: — Если ты простишь меня, я никогда, слышишь, больше никогда не обижу тебя... Но это еще не все. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Мне не нужно того, что я говорил утром, я не хочу служения мне, не хочу, чтобы ты ради меня готова была на лишения, просто будь рядом и свети мне, как и прежде.

Все это время, пока я пытался сказать что-то разумное, Софи с лучезарной улыбкой, которой была одарена только она, смотрела на меня, как мне казалось, с восхищением и любовью. И именно тогда она произнесла:

— Давай подождем до Нового года, Петр. И я тебе отвечу. У меня есть для тебя сюрприз.

Оставалась неделя до Нового года. И я за долгие годы впервые жил в предвкушении новогоднего волшебства.

ХП

Наш цирк был украшен разноцветными мигающими гирляндами и многообразной шуршащей мишурой. Новогодние афиши зазывали зрителей на «чудесное представление с уникальными трюками, аттракционами и сюрпризами». И я ждал этого последнего в этом году представления, как никто другой. Софи в суеде предстоящего события, каждый раз пробегая мимо меня, загадочно улыбалась, и от этого мое сердце сжималось сильнее в предвкушении какого-то нереального события, которое должно произойти с нами. Она любила меня, я это прекрасно знал, но мне хотелось получить ответ.

— Сегодня, Петр, дорогой мой, сегодня, — дразнила меня Софи, и ее глаза сияли как-то по-особенному. — Наберись чуточку терпения...

Я понимал, что она приготовила мне сюрприз. Но какой? Накануне мы, как обычно, репетировали нашу историю про старика и звезду. В общем, все было как обычно...

Наконец настал черед нашего с Софией выступления. На мгновение погас свет. Она поднялась под купол цирка. И мы начали привычный диалог. Придуманный нами старик молодец с каждой минутой, зал аплодировал и хохотал. И когда уже помолодевший, двадцатилетний клоун сделал предложение руки и сердца своей «звезде», Софи начала говорить совсем не по тексту. Важно прохаживаясь по металлическому тросу, балансируя лишь двумя опaxалами, она неожиданно обратилась к зрительному залу:

— Сегодня в моей жизни, дорогие зрители, — сообщила она, — случится одно важное событие. Я должна дать ответ вот этому милому клоуну, моему жениху, выйду ли я за него замуж. По-настоящему.

Я смотрел на нее во все глаза и немного напрягся, не понимая, зачем она начала говорить при всех.

— Мы знакомы с Петром более двух лет. Вам всем он, наверное, знаком, как известный «смеющийся клоун». — Софи продолжала ходить туда-сюда по канату. — Но вы не знаете одной важной детали. Однажды он, так же как и вы, сидел в зрительном зале и спас меня, да-да, спас, поймав с такой же высоты в десять метров, когда я выполняла самый сложный трюк. Он спас мне жизнь, не зная, что в скором времени я стану его невестой. Так вот, я безумно мечтаю об этом. Но при одном условии... Ассистенты, принесите микрофон Петру.

Мой друг, ассистент, тоже несколько обескураженный, выбежал на арену с микрофоном. Он посмотрел на меня, пожал плечами и прошептал:

— Никто не понимает, что она задумала. Тетушка Элеонора уже схватилась за сердце. Софи продолжала:

— Прости, Петр, мне нужно это рассказать... Когда он был маленьким мальчиком, его бросила родная мать в канун Нового года. И он всю свою жизнь ждет ее и поэтому придумал себе новый день в году, тридцать второе декабря, это придуманный день, когда его мама вернется.

Это было бесцеремонно с ее стороны, я вовсе не хотел обнародовать свою историю и начал злиться.

— Так вот, дорогой мой, любимый Петр, — обратилась теперь ко мне Софи. — Я хочу, чтобы мы изменили этот придуманный календарь и ты перестал ждать тридцать второго декабря. Я готова стать твоей женой, если ты сегодня откажешься от тридцать второго декабря навсегда...

Софи села на трос и посмотрела пристально на меня.

У меня загудело в голове, на мгновение я потерял чувство реальности, передо мной пронеслась вся моя жизнь: сказки, которые читала мне мама, прощание с ней в гримерке, мое первое выступление, старый клоун. Мне даже показалось, что он и моя мама тоже сидят в зале и с молчаливым укором смотрят на меня, будто вопрошают: «Неужели ты откажешься от своего прошлого, от своей мечты, от всего того, что тебе так дорого?» В общем, мой рассудок помутился.

И я, растроганный до слез, поднял голову вверх и закричал, как сумасшедший:

— Софи, я люблю тебя, но ты никогда не сотрешь мое прошлое, мою мечту о тридцать втором декабря! Прости меня!

Все, что произошло дальше, было так стремительно, так беспощадно быстро, что я не успел сориентироваться. Одно опало Софи выпало из рук, она непроизвольно потянулась за ним и рухнула на арену. В этот момент ассистент, ждавший ее команды, случайно дернул мешок со смеющимися воздушными шарами вместо конфет (таков был их тайный уговор), и меня оглушили хохочущие, теперь показавшиеся зловещими голоса. Софи ожидала другого финала...

Что было потом, я не помню. Я очнулся лишь под утро, по-видимому, в больнице, где надо мной склонились мисс Элеонора и незнакомый мужчина в белом халате.

— Что с Софи? — первым делом спросил я.

— Сынок, я не виню тебя, — только и сумела произнести тетушка моей возлюбленной.

— Ей вы уже ничем не поможете, а вот себя еще можно спасти. У вас был нервный срыв, мы только к утру сумели вас успокоить. Вам требуется длительное лечение, возможно, долгие месяцы, а затем временный отказ от выступлений и уединение.

Как описать то, что происходило со мной в тот миг! Я хотел броситься на врача, но силы оставили меня. Я даже не смог подняться с постели. Сколько я пробыл в той больнице, я не могу вспомнить. Но все это время моим утешением было, что этот страшный сон обязательно закончится.

ХIII

Новое утро в добровольном заточении выдалось дождливым, моросил мелкий дождик, последние осенние листья, едва сумевшие удержаться до сего дня, ослабевали от напора ветра и послушно опускались на землю, составляя новые узоры желто-оранжевого ковра, устилавшего всю поверхность видимого мне пространства. Несмотря на непогоду, я решил прогуляться по лесу, осмотреть свои владения, возможно, даже проникнуть в те места, куда никогда не ступала нога человека. Я собрал рюкзак со съестным, воздух наполнился ароматом кофе, переливаемого в термос, надел поверх куртки клеенчатый плащ и побрел неведомо куда. Меня снова оглушила пронзительная тишина этих мест. Ветер, хотя и свистел иногда в деревянные проемы окна, но здесь, на свободе, казался таким легким и почти бесшумным, что совершенно не беспокоил, шуршание листьев напоминало человеческий шепот, и мне слышалось в их разговоре: «Не мешай ему, не мешайшшай». И я был благодарен природе за чуткость и понимание. За много лет выступлений я, привыкший к цирковому шуму, громкой музыке, аплодисментам, переходившим в овации, не мог поверить, что бывает по-иному. Моя жизнь до сего времени казалась мне единственно правильной, безусловно настоящей, а все остальное — лишь дополнением к ней, истоком и вступлением. Но теперь все из-

менилось. Я понял смысл жизни другой, подлинной, никак не связанной с успехом или какими-либо достижениями, жизни обыкновенной, которая предполагает наслаждение самим существованием, каждодневным, и стал находить смысл не в искусственном стремлении к чему-то, а в самом бытии и его созерцании. Но сердце, сердце мое было опустошено. Я, словно младенец, учился ходить, говорить и воспринимать мир заново.

Я шел, все дальше удаляясь от своего дома, совсем не зная пути, но, не желая заблудиться, оставлял на деревьях своеобразные метки — привязывал к веткам красные атласные ленточки после каждого поворота.

Долго ли, коротко ли, почти как в детских сказках, я забрался в чащу леса. Ряды сосен, казалось мне, росли все ближе к друг другу, и в них можно было по-настоящему заблудиться. Пора было поворачивать назад, но вдалеке я увидел поляну и очень ветхое деревянное строение, в которое мне захотелось заглянуть. Страх не было: я понимал, что это давняя постройка, совершенно не предназначенная для проживания, разве что лесными жителями, укрывающимися здесь от непогоды. Но приближаясь все ближе, я заметил некоторые признаки недавнего пребывания человека. Около лагуги между двумя соснами была протянута веревка, на которой сушилось какое-то белье. Я увидел также и истлевшие угольки недавно потухшего костра. На мгновение я остановился. Мне надо было решить, идти ли дальше либо вернуться обратно домой. Но природа не позволила мне долго предаваться размышлениям: небо вдруг посветлело, и тучи прорезали солнечные лучи, осветив жилище. Я воспринял это как добрый знак и направился к цели. Надо сказать, что я не был фанатично суеверен, но были приметы и явления, на которые я обращал внимание. У знакомых мне артистов, а их я перевидал немало, я узнал о многих приметах, без которых не обходилось ни одно представление. Но мне они были чужды.

К примеру, афиши никогда не должны лежать мертвым грузом, их сразу крепят, размещают во всевозможных местах, ибо, бросая их без дела, мы показываем неуважение к будущему представлению. Артисты не едят семечек, так как считается, что от этого не будет сборов. Мы осторожно ведем себя на манеже: нельзя переходить дорогу выступающему на репетиции — номер может не получиться. Нельзя без дела ходить в костюме, брать чужой реквизит, ну и всякие другие, которые, на мой взгляд, вполне резонны и имеют обоснование. Словам артисты цирка также придают огромное значение, а потому является табу употребление слова «последний» в значении трюк, номер, выступление, его заменяют более щадящим словом — «крайний». Бывало, что я сам убеждался в действенности этих примет, но как человек, скептически настроенный ко всем необъяснимым явлениям, кроме, пожалуй, существования Бога, я объяснял свои промахи и неудачи течением обстоятельств. И не винил никого в этом, кроме себя самого. Но — довольно размышлений.

Солнце на минуту выглянуло из-за серых туч, показав мне свое величие, и я, сам того не заметив, оказался у калитки заброшенного жилища. Дверь была приоткрыта, она разохлась от непогоды и, скорее всего, никогда не закрывалась плотно. Видно было, что домишко был построен много лет назад, но был сделан настоящим мастером и сохранил былую крепость. В то же время откуда-то доносился запах сырости. Присмотревшись, я увидел висевшие на веревке мужскую белую застиранную рубашу и небольшое махровое полотенце. Я, одолеваемый любопытством, постучался в приоткрытую дверь и не спеша вошел в дом.

Первое, что мне бросилось в глаза, — это бревенчатая кровать, абсолютно несуразная, на которой лежал дряхлый старик. Он был живой, но настолько немощный, что поприветствовал меня лишь движением руки. Я подошел поближе. Около его кровати стояла сгорбленная, как он сам, клюка. Лицо его выражало одновременно удивление

и радость, будто заблудившись, он набрел на это жилище и все это время ждал, что его наконец обнаружит путник. Лицо старика было испещрено морщинами, как борозды только что вспаханной земли. Он был седой, с бородой, доходившей до середины шеи, а в уголках его серых ясных глаз пряталась невидимая улыбка. Я не понимал, как этот старичок мог оказаться в такой глуши, ведь я прекрасно знал, что домик моего друга — на многие километры — единственный уцелевший в этих краях.

Что поразило меня более всего, так это то, что мой новый знакомый был невероятно похож на моего старого клоуна. Абсурд, но я не терял надежды, что Вселенная, возможно, еще покажет мне его в каком-то ином обличье и что если мир не конечен, то мой клоун даст о себе знать. Чудно, конечно. Но эта навязчивая идея была для меня маленьким утешением, и я согревался этой мыслью в самые трудные моменты своей жизни.

Я сел у изголовья кровати и протянул старику стакан воды, стоявший неподалеку, на полу. Старик попытался привстать, оперевшись на меня всем своим грузным телом, и жадно начал пить воду. Затем, тяжело вздохнув, свесил свои тонкие ноги и прошептал:

— Я немного отдохну, а затем отправлюсь в свое далекое путешествие, — сказал он.

— Что привело вас в такую глушь, дедушка?

Старик засмеялся, и этот смех снова напомнил мне смех старого клоуна:

— Это долгая история. И дело не во мне. Ты — молодой, полный сил, очутился здесь, а значит, дела твои совсем плохи.

— Нет, что вы, уже все сносно, — постарался соврать я, не желая обсуждать свои горести с первым встречным.

— Я скоро уйду отсюда. Силы оставили меня на время, но теперь я почти здоров. А ты, сын мой, не сможешь укрыться от своих переживаний в лесу.

— Как же вы найдете дорогу назад?

— За меня не беспокойся. Я, может быть, и застрял здесь, чтобы увидеть тебя. Позаботься о себе и о своем сердце. Оно у тебя совсем разбито. И снова дари его людям, несмотря ни на что.

— Можно я завтра приду к вам снова? — спросил я в надежде вывести как можно больше у этого занятого старика.

— Как только я окрепну, я покину этот дом. Не возвращайся ко мне и в прошлое. То, что предначертано судьбой, человек не в силах изменить. Живи тем, что принесет новый день. А теперь ступай!

Старик медленно встал со своей кровати, взял краюшку хлеба, вытащенную мной из рюкзака, и начал с аппетитом жевать. Было ощущение, что он вовсе не хворал, а мне это только причудилось. А может, и этот старик был моей больной фантазией?

Я отправился назад, теперь пытаюсь найти дорогу обратно. Но эта встреча не давала мне покоя. В пути я размышлял над сказанным моим новым знакомым. Зачем и для чего жизнь снова направляет меня в этот мир, где у меня не осталось ничего — ни любви, ни надежды?